

К

ак стремительно летит время и заметно меняет привычную жизнь воронежской провинции! Еще 25 лет назад в Верхнемамонском районе были живы люди, которые могли рассказать достаточно подробно о традиционных обрядах, исполнить старинные песни, показать бабушкины костюмы. Сегодня эта коллективная народная память о прошлом невосполнимо ослабла, а кое-где так истончилась, что нужно приложить невероятные усилия, чтобы отыскать хоть какие-то воспоминания о местных обычаях... Однако по материалам моих фольклорных экспедиций в 80–90-годы XX века со студентами Воронежского государственного института искусств можно в общих чертах воспроизвести те традиционные ценности, которые составляли основу народной культуры. Все материалы хранятся в Кабинете народной музыки Воронежского государственного института искусств (КНМ ВГИИ).

Традиции Верхнемамонского района уникальны тем, что на этой территории встретились и перемешались несколько этнокультурных слоев: южнорусский, казачий и украинский.

Основу этих традиций составляют русские села, расположенные в бассейне среднего течения реки Дон. Центром традиции стало село Верхний Мамон (первоначально — Мамон), ос-

нованное в 1702 году в устье левого донского притока — реки Мамонки, а чуть позже выходцами из Мамона ниже по течению Дона было основано еще одно село, которое стало называться Нижний Мамон в отличие от старого — Верхнего Мамона. Примерно в то же время — то есть в начале XVIII века — вокруг Мамона возникли села Гороховка, Осетровка, Русская Журавка, Ольховатка, Лозовое. Так что в этих селах традиция консолидировалась вокруг села Мамон и в целом ее можно называть мамонской. Первопоселенцами были однодворцы и служилые люди Острогужского полка, переселенцы из других мест Воронежской губернии (например, из села Хлевного, ныне Липецкой области). Также в колонизации края участвовали и дальние переселенцы, например, из города Данков Рязанской губернии, о чем свидетельствует местная топонимика: часть села Верхний Мамон до сих пор называется Данковкой в память о родине поселенцев. Несколько обособленно представляются традиции села Дерезовка, поскольку оно и основано было значительно позже — около 1840 года¹.

Украинский компонент в традиционной культуре Верхнемамонского района выявляется в селе Мамоновка. Здесь бытуют говор, обычаи, песни, характерные для выходцев из Украины — хохлов, как их здесь называют. Судя по экспедиционным материалам, много хохлов проживает и в селе Ольховатка. Кроме того, украинское влияние объясняется достаточно долгим пребыванием верхнемамонских сел в составе то Богучарского, то Россошанского уездов, заселенных преимущественно выходцами из Украины.

Несмотря на то, что некоторые села формировались как сторожевые заставы (Верхний Мамон, Нижний Мамон, Гороховка, Осетровка), они достаточно быстро утратили военно-стратегическое назначение, а элементы казачьей культуры, особенно заметной в песенном фольклоре, несут заимствованный характер: они были восприняты от казачьих городков и станиц, расположенных ниже по Дону.

Традиционный костюм, сохранившийся до настоящего времени, в целом, обнаруживает общие черты. Наибольшим богатством и разнообразием, как и по всей России, отличается женский праздничный костюм, который по классификационным признакам относится к поневному комплексу. Однако уже к середине XX века понева как женская поясная одежда полностью ушла из быта и была вытеснена широкой и длинной однотонной юбкой из трех полотнищ — из штофа (*штохвенной* — по местному определению), атласа, кашемира, а для будничной носки — из ситца с кубовой набойкой. Воспоминания о поневах были записаны в селах Гороховка, Верхний Мамон, Дерезовка, но самой одежды уже не удалось даже сфотографировать.

Рубахи до 30-х годов XX века шили из конопляного холста (для этих целей во многих личных хозяйствах выращивали коноплю). Женские растения конопли зацветали в начале лета, их выдергивали и обрабатывали (мяли, отделяли кострику от нитей, чесали, пряли, ткали), именно они годились для рубашечного холста. Остальные растения (мужские особи) убирали осенью, холст из них получался более грубый и неровный, использовался для хозяйственных нужд. Зимой пряли и ткали, а весной, примерно перед Троицей, холсты белили: окунали в воду и сушили на солнце. Холст выгорал — становился белее. *«Раньше сами ткали, сами пряли, сами вышивали... Летам нисешь на речку, в воду абмачаешь... У нас были вальки — мы ими калатили. А када пакалотишь — расстилаешь на траву... Ана (холстина) прям белая становицца...»*². Позже, когда уже перестали сеять коноплю, рубахи шили из белого миткала.

Традиционный крой рубахи — с прямыми поликами, а отличительная особенность мамонских рубах — очень широкие рукава. Вышивали крестом красными и черными нитями, узоры располагались и по поликам, и по всему рукаву, орнаменты — цветочные, а их композиция напоминает украинские вышивки: цветоч-

Женщины в традиционных костюмах. с. Верхний Мамон, 1991 год

ные гирлянды сменяются отдельными букетиками ближе к запястью. В некоторых селах, например, в Нижнем Мамоне, Гороховке вышивали цветными нитями красные или бордовые ситцевые или сатиновые рубахи. В то же время при кажущейся схожести украинских и русских рубах есть одно главное различие: в украинских вышивках все гирлянды разные, а в русских рубахах узор и гирлянды располагались симметрично, а центром симметрии выступал шов, соединяющий полика и рукава.

Женщины обязательно подвязывали *завеску* — короткий фартук (от талии), с вышивкой и кружевами, как на концах праздничных рушников. Кстати, рушники тоже подвязывали вместо фартуков, например, это делали девушки в Нижнем Мамоне, когда шли на *девишник* к своей подружке.

Еще одной обязательной деталью костюма были *кухвайки* — удлиненные жилеты со складками сзади, сатиновые, на подкладке, черного цвета, украшенные машинной строчкой, дорогами красными или цветными лентами. И в этом тоже наблюдается влияние украинского костюма с обязательной жилеткой — *корсеткой*. В селе Русская Журавка такой жилет называли *казачек*.

Головные уборы — *кокошники* — были не в каждой семье, иногда бедные семьи одалживали кокошники для свадьбы, чтобы *оправить* невесту как положено по обряду. «Сначала невеста сидела, платок гарнитуровый повязан. Шелк — гарнитур. Вот повязывали невесту, как жаних за ней приедя. А жаних приедя — и вязут у церкву у в этом платку, а из церкви привозят, платок сымають и надевають какошник... Какошник — сярэбром усе блястить, и дымка — хвата типерь называицца... Теперь ее сабирут, а тогда проста была на самую земь, белага цвета и как мушачки — точечки, бальшого узора не было. А на концах кружева — магазинные»³. Кокошники носили молодухи на годовые праздники до появления первого ребенка.

Кокошник представлял собой высокую шапочку на твердой основе из позумен-та, а сзади подвязывали *позатыльник*, чтобы полностью закрыть волосы. Подобные кокошники бытовали в соседних уездах — Павловском, Острогжском, но отличались по высоте и декору (в Павловском — повыше и суженный кверху, а в

Острогожском, напротив, пониже). В менее праздничные дни и по воскресеньям женщины надевали *шлык*, по форме напоминающий *кокошник*, но шлык был на мягкой основе, из бархата, позументом украшали только надлобную часть. Поверх *кокошника* или *шлыка* могли надевать также и дорогие шелковые платки и шали (*гарнитуровые*).

В холодное время года носили *суконные поддевки* (осеннюю верхнюю одежду в форме приталенной удлиненной куртки), *коротйньки* — (осеннюю домотканую одежду из овечьей шерсти в форме короткой куртки, до талии), *шубы* из овчины, *шубы сундучные* (то есть крытые сверху сукном). Летом носили лапти, осенью — сапоги, зимой — валенки и бурки (из стеганой ваты или войлока, покрытые сукном) с галошами.

Мужской комплект состоял из вышитой рубахи навыпуск (чем мужчина старше, тем рубаха длиннее), подпоясанной кушаком или поясом из гаруса (плетеного шнура с бисером). Ни традиционной мужской рубахи, ни штанов не удалось даже сфотографировать.

Женский костюм за его сравнительную простоту и доступность (шили-то из покупных тканей!) достаточно активно воспроизводился во второй половине XX века. Народные костюмы кое-где надевали на второй день свадьбы, в них выступали фольклорные ансамбли, например, ансамбль «Данкори» из села Верхний Мамон.

Важным маркером традиционной культуры являются местные обряды и праздники⁴.

Календарные обряды и обычаи были привязаны к церковным святам и носили церковные названия, хотя по содержанию они были связаны больше не с христианской традицией и церковными легендами, а с земледелием. Крестьянин совершал обряды, воздействуя на природу словом, действием, звуком в желаемую для него сторону.

Уже на зимних святках (от Рождества (7 января) до Крещения (19 января)) совершались обряды и гадания, направленные на благополучие нового урожая, на приплод скота и птицы, на здоровье и благополучие всех членов сельской общины. Обходы дворов с поздравлениями, гадания, ритуальная еда, освящение святой водой жилища и скота — все это можно рассматривать именно как превентивные обряды, как элементы продуцирующей магии.

В Рождественский Сочельник, как и по всей России, во всех селах колядовали — группы поздравителей обходили дворы с короткими песенками-благопожеланиями, за что должны были получить вознаграждение. Этот обычай сохранился и до сегодняшних дней, хотя тексты колядок в основном сокращены и сводятся до выпрашивания подавания. Колядовали в основном дети и молодежь, напев строился на двух звуках — почти речитативом.

Калядин, калядин, я у батюшки один,
На гарбу — мяшочек, дайтя пиражочек.
Пиражочка нету — дайтя канхвету,
Канхветы нету — дайтя манету⁵.

Колядовщиков заставляли садиться на порог и вкочтать, чтоб в этом доме куры садились выводить цыплят. «Садитесь на порог», — говорили хозяева, а поздравители в ответ: «А вы дайте сала и пирог!»

Взрослые обходили дворы уже рождественским утром с пением тропаря «Рождество Твое, Христе Боже наш», а после него могли рассказать и рождественский стишок, наподобие этого:

Устану утрам рана, на восток гляну —
Там звезда вассияла, трем царям путь указала.
Три царя прихадили — у Девы Марии сына прасили.

— Дева Мария, аддай нам сваво сына,
Мы с тваим сынам будем век векавать.
Зароди, Боже, жита, пшаницы, горох, чававицы,
На каждам месте капен па двести.
Здрассте, хазяин с хазяйкаю, с празничкам⁶!

В украинских семьях было принято под Рождество посылать в дома родственников детей с рождественской кашей-кутьей, сваренной из цельных зерен пшеницы, ячменя, риса и заправленной медом и изюмом. В русских селах мамонской традиции к концу XX века кутью в качестве обрядового блюда уже не готовили.

Под Старый Новый год 13 января дворы вновь обходили группы поздравителей, в основном это была ряженая молодежь — в вывороченных тулупах, с подвязанной бородой из конских хвостов, приклеенными усами, иногда в масках, либо с раскрашенным сажей и свеклой лицом. Ряженые заходили в дом с мешком для подарков, поздравляли, желали благополучия. В селе Нижний Мамон припевали: *«Поля ты, поля, сам Господь ходя, Дева Мария житиу сея»*⁷.

Удивительно, что специальных песен — *авсений* — в мамонских селах не было зафиксировано, не встретилось даже упоминания о них. Кое-где пели или проговаривали заимствованные от украинцев *щедровки*, например, в селе Гороховка, но пели их уже по-русски: *«Щедрики-ведрики, дайте вареники!»*.

Ряженые как представители «того света» бесчинствовали — *чередили*: снимали ворота с петель, угоняли телеги и т.п. Об этом обычае сообщали в селах Верхний Мамон, Русская Журавка, Осетровка.

Утром на Старый Новый год было принято ходить *посевать*. С порога поздравители сыпали в святой угол на иконы пшеницу, ячмень, овес, приговаривая, «Сею-вею, посеваю, вас с праздником поздравляю. Здравствуйте вам, подарите нам!»

В селах Верхнемамонского района к концу XX века уже не существовало строго закрепления за определенным временем обрядовых действий и приговоров, что свидетельствует об угасании традиции. Так, например, *посевать* могли и под Рождество, и на Рождество, и под Старый Новый год, и новогодним утром, и даже в любой день святков. Кроме того, здесь уже не сохранялось в памяти предписание, что *посевать* могли только мужчины или мальчишки: *посевали* все, кто хотел.

Накануне Крещения — 18 января (этот вечер называли *свечки*) ходили на водосвятие, совершаемое по церковным канонам на речках, родниках в проруби, вырубленной в форме креста, а самые смелые купались (особенно молодежь, которая рядилась на святках). Святой водой умывались, окропляли дом, подворье, хлев, скот. На воротах, дверях, на матице рисовали мелом крестики с мотивацией: чтоб цыплята водились. В Осетровке *«заранее готовился сноп пшаницы, апускали яво в воду, брызгали всю скатину, зерна аддавали курам...»*⁸.

Соблюдался обычай поминать предков — *греть ноги родителям*. Для этого обычно рано утром на Крещение еще до церковной службы во дворах разжигали костры, жгли старую солому (села Гороховка, Осетровка). *«Вставали рана утрам, до шести утра — обогреть родителей, но толька каторых нет в живых. Во дваре жегли кастер из саломы, пока та гарить, читали малитву «Отче наш»*⁹.

Еще на Крещение особенным грехом считалось отказать нищему. В этот день в с. Русская Журавка старались раздать нуждающимся как можно больше еды и одежды. В селе Гороховка подчеркивали: *«Ни аднаго старца ни упустуть, штоп муки не всыпать, хлебушка не дать»*¹⁰.

В течение всех святков гадали: девушки — на замужество, старики — на урожай и на погоду. Молодежь собиралась на *вечерушки* в каком-либо доме, нанятом чаще всего у вдовы, где пели песни, играли, гадали. Традиционные гадания с пе-

тухом о будущем супруге выглядела так: перед птицей ставили воду, зерно, зеркало, и если петух первым делом подходил к зеркалу, значит, будущий муж будет щеголеватый, если попьет воды — муж будет пьяница, а клюнет зерно — будет домовитым и рачительным хозяином. Девушки гадали и на улице: спрашивали под окнами или у прохожих, как будут звать жениха, бросали валенки через забор (куда покажет носок — туда и замуж идти), с завязанными глазами отсчитывали двенадцатый кол в заборе и пытались угадать по нему, какой будет муж (высокий, прямой, кривой, толстый). На ночь под подушку складывали из спичек колодец (кто придет во сне за водой) или клали замок (кто придет за ключами). Считалось, что сны на святках всегда пророческие.

В селе Осетровка делали из снега *майнаки*: падали в снег так, чтоб образовался след во весь рост. Утром приходили смотреть: если след поврежденный, муж будет драчливым. Нередко парни, заметив, что девушки собрались гадать по *майнакам*, нарочно портили след.

«*Прашли Святки — жаль расстацца, приде Масляна — катацца...*» — пели частушку в с. Осетровка¹¹. После святок начинался мясоед — период свадеб, который продолжался до самой Масленичной недели (то есть восьмой недели до Пасхи). Если Пасха была ранняя, то и мясоед короткий.

На Масленицу свадьбе уже не играли, а неженатых парней корили за то, что не выбрали невест. Также на Масленичной неделе уже не ткали, а только вышивали, а с пятницы вообще бросали любую работу. Эта неделя посвящалась всеобщим увеселениям, праздничным гуляниям. Главными занятиями были катания с гор и хождения друг к другу в гости.

Дети и молодежь катались с гор на *ледянках* (в форме огромной тарелки, вылепленной из навоза, смешанного с соломой и политой водой), приспособляли для этих целей и кошелки, их также обмазывали навозом и заливали на морозе водой. На лошадях-тройках с бубенцами — в разукрашенных телегах, тарантасах катались все, от мала до велика, причем в самых лучших одеждах. Зажиточные крестьяне выделяли для этих целей своих лошадей.

В Нижнем Мамоне мужчины делали *катыльца*: брали ось или колесо, укрепляли на шесте, чтоб оно вращалось, а к колесу привязывали санки, которые при вращении колеса летели по кругу. Мужчины устраивали игры на льду с деревянным шаром, а женщины наблюдали, пели песни.

Как правило, на Масленицу должны были устраивать и кулачные бои, что символизировало борьбу двух сезонов: зимы и лета. Однако в Верхнемамонском районе упоминания о кулачных боях были записаны только в селах Ольховатка и Дерезовка. Возможно, это связано с тем, что советская власть кулачки запрещала, и в своей молодости информанты уже не могли их видеть.

Блины начинали печь с понедельника — сначала на опаре, кислые, а с пятницы пекли еще и блинчики, и пряники, и печенье-*орешки*. В последний день оставшиеся блины выносили на улицу, раздавали, вешали на деревья. А в некоторых семьях, напротив, засушивали и *берягли до цвятов* (с. Гороховка).

Последнее воскресенье Масленичной недели — Прощеное воскресенье. В этот день просили друг у друга прощения за причиненные обиды, в том числе и невольные, особенно дети — у родителей, зять — у тещи, сноха — у свекра и свекрови. Родители их в ответ благословляли и целовали в макушку.

В прощенный день сжигали чучело, символизирующее зиму, его делали из солом в форме женской фигуры, на голову насыпали перья (х. Донской). Вероятно, этот обычай появился поздно и связан с персонафикацией Масленицы, так как в качестве старинного обычая информантами не упоминается.

Великий пост, длящийся семь недель, — это время не только телесного и духовного очищения, но также приготовления к весенним полевым работам. Обы-

чай и приметы этого периода связаны с ожиданием весны, благоприятной погоды, успешной работы в поле.

На Сороки (22 марта) пекли специальное печенье в форме птиц и давали детям — закликать и встречать весну. Они выбегали на улицу, подбрасывали вверх печенье, имитируя прилет птиц, кувыркались в соломе и приговаривали: «Кулики-жаваронушки, лягутя у адонушки, пашаничку клявать, куколь выбирать»¹². Обрядовое печенье пекли также во всех остальных селах, причем не только на Сороки, но и на четвертой неделе поста — на Средокрестие (в форме крестов), и на Благовещенье (в форме просвирок). В печенье в форме крестов или просвирок запекали монетку, кому достанется с монеткой — тот должен будет начать сев (пусть даже ребенок, но он первым бросит во время сева горсть зерна).

Благовещенье (7 апреля) и Вербное воскресенье (за неделю до Пасхи) — считались праздничными днями, запретными для работы, говорили: «На Благовещенье птица гнезда не вьет, девка косы не плетет». Это были дни послабления поста (можно было есть рыбу), а также разрешенными днями для игр и хороводов. Дети играли в игры, имитирующие прилет птиц и охоту животных: «В коршуна», «Гуси и волки».

На Вербное воскресенье обязательно освящали веточки вербы в храме. Вербу заготавливали обычно за неделю до освящения, чтобы почки набухли (особенно, если Пасха была ранняя). Освященным веточкам вербы приписывались магические свойства, их приносили на могилы умерших (в знак молитвы за них), кидали в погреб (от всякой нечисти), хлестали ими детей (для здоровья), приговаривая: «Вербохлест, бей до слез», прятали за иконы, чтобы потом выгонять ими скот первый раз на выпас. Было принято хранить освященные веточки целый год — до следующего Вербного воскресенья. Затем старые прошлогодние веточки запаривали и отдавали скоту.

Пасха в православной традиции празднуется в первое воскресенье после первого весеннего полнолуния (то есть отсчитывается одновременно и по лунному, и по солнечному календарю), поэтому празднование Пасхи происходит каждый год в разные дни. Несмотря на запреты советских властей, в крестьянской среде Пасха была и остается главным праздником. Правда, кое-что в ее праздновании изменилось. Главным атрибутом Пасхи были куличи и крашеные яйца. Яйцо как символ жизни, ее начало и ее итог — проходит через всю весеннюю обрядность. Яйцами обменивались (христосовались), оставляли на могилах умерших на кладбище, играли (катали) в лотках, освященные яйца добавляли в корм скоту.

На третий день Пасхи начинали водить хороводы — *танки́*. И в этом — особенность мамонской традиции. Обычно в других регионах танки начинали водить только с Красной горки. Танки здесь — это обрядовое шествие, в котором участвовали женщины и девушки. Они, держась под руки, ходили по селу с песней, в которой «припевали» друг другу холостых парней и незамужних девушек:

По лугам вода разливалась,
Ой, да люли, люли, разливалась.
По берегам трава расстилалась,
Ой, да люли, люли, расстилалась.
По лесам пташки разлетались,
Как одна пташка в лесе сталася,
С тоски-волюшки, без приволюшки,
Ой, да люли, люли, без приволюшки...
Красная девушка-то Паранюшка
Звала, звала брата большего:
Ты, пайдем играть к нам на улицу,
На широкую, на зеленую.

В нас на улице сын харошенький,
Сын харошенький-то — Иванушка,
А пригоженький-то — Акимушка,
А кто лучше его-то — Егорушка.
За Иванушку-то — Марьюшку,
За Акимушку-то — Агафьюшку,
За Егорушку-то — Авдотьюшку¹³.

Брачные мотивы и мотивы величания девушек характерны в целом для южно-русских хороводных песен.

Шествие с танками по селу символизировало наступление переходного времени от одного сезона к другому, в данном случае — переход от ранней весны к так называемой «зеленой весне». Таким образом, пройдя все село, женщины как бы переводили всю общину через определенный рубеж.

В селе Осетровка *танки* также водили и на Красную горку (следующее воскресенье после Пасхи), и на праздник жен-мироносиц (следующее воскресенье после Красной горки) с такой песней:

На улице, улице, на улице широкой,
Ой, ляли, ой, ляли, ой, ляли, ляли, ляли.
На мураве, на мураве, на мураве зеленой,
Ой, ляли, ой, ляли, ой, ляли, ляли, ляли»¹⁴.

На Радоницу следовало посещать кладбища и праздновать Пасху для умерших предков. Поскольку этот день всегда приходится на вторник, то работающие люди не могли в этот день ходить на кладбище. Обычно могилы умерших посещали в Пасхальное воскресенье (как и в настоящее время). А вот что предписывала традиция (по материалам из с. Осетровка). *«Хадили поминать родителей у церкву. Пяк-лю пирожки или блинцы, накрывали их белым рушником... Када батюшка абедню атслужит, начинают раздавать усем... У церкви пакупали свечку и становили на кануну у перваю очередь. Если хочешь, чтобы Бог давал здоровья, счастья, пакупаешь большую свечку и падавай за престол Божий матери у ялтар... По святой неделе ходишь у церковь на всеношную, усе пакойники у церкви стоя, толька ты их и я их не вижу, до дванадцати часов стая, а тады уходя...»¹⁵*

Всю святую неделю катали крашеные яйца на специальных лотках (кто больше побьет своим яйцом другие, тот и победил).

На Красную горку играли свадьбы.

О почитании Егория (праздник Георгия Победоносца отмечается 6 мая), о ритуальном первом выгоне скота в Егорьев день информации собрать не удалось. Но то, что этот святой лечит всякую скотинку-животинку и даже кости человека, народ помнит. В селе Гороховка был записан заговор от боли в суставах: *«Отче наш, святой Ягорий, ехал на белам кане па залатому масту. Конь спаткнулся, сустав на сустав наткнулся, жила на жилу нашла, кровь на кровь нашла. Святая спасительная молитва рабы Божей [имя больной] — ражденной, крещенной, молитвенной, причащенной. Читать 9 раз. Помалоть семечка падсолнуха, прикладавать на бальное место и крятит»¹⁶*.

Праздник Вознесения (40-й день после Пасхи) не отмечен никакими обрядами. В этот день, если долго не было дождя, ходили в поле *со святостью* (хоругвями), а батюшка служил молебен.

Любимый народный праздник — Троица. Троицу праздновали три дня (воскресенье, понедельник и вторник), но главным в народе считали первый день (49-й день после Пасхи). Троице предшествовали приготовления: жилища и дворы украшали ветками клена или березы, а пол в доме устилали свежескошенной травой. В *родительскую* субботу перед Троицей обязательно поминали умерших родственников.

На Троицу с утра все шли на праздничную службу в храм (тоже украшенный зеленью: ветками деревьев, травой, цветами), девушки стояли на службе в венках из травы. Венки плели в основном из пырея, добавляли полевые цветы, которые успевали распуститься к Троице. Главную троицкую траву — *збрю* или *любистку* из-за острого запаха в венки не вплетали (ее держали в руках).

После обеда во всех селах устраивали массовые народные гуляния на лугах у реки. Во многих селах (кроме Дерезовки) девушки *кумились*. Этот обряд по-сестримства символизировал превращение девочек в девушек и устанавливал их тайный молодежный союз. Для этого группами девушки в венках уединялись в лесу или в саду, где плели отдельный веночек, побольше, вешали его на ветку, подходили к венку парами (трижды) и через веночек целовались (поцеловаться и означало покумиться). О кумлении пары договаривались заранее. Как правило, кумились только с одной девушкой. С этого момента подруги называли друг дружку «кумой», этот союз почитали всю жизнь, а сам обряд расценивали как клятву в дружбе и взаимопомощи. Подарками не обменивались и не раскумливались. В кумлении участвовали девушки, начиная с 12–13 лет и до замужества.

Обряд совершали под песню «Веселая беседушка».

Да веселая беседушка, где батюшка пьет.
Он пьет — не пьет, родимый мой, за мной, молодой шлет.
А я, млада-младешенька, замешкалася,
За гусями, за утями, да за журушкою...
Да как журушка по бережку похаживая,
На тот бережок поглядывая.
На том берегу, бережочку — да четыре двора.
Во тех дворах, во двориках — четыре кумы.
Вы, кумушки, голубушки, сестрицы мои.
Вы кумитесь, любитесь, любите меня.
Пойдете вы во зелен сад — возьмите меня.
Сорвете вы по цветику — сорвите и мне.
Совьете вы по венчику — совейте и мне.
Пустите венки поверх воды — пустите и мой.
У всех венки поверх воды, а мой — потонул,
У всех мужья с войны пришли, а мой — не пришел¹⁷.

Песня обладает ярко выраженной бифункциональностью, поскольку исполнялась и в троицком, и в свадебном обрядах (исполнялась на свадебном пиру с неполным текстом до слов: «На том бережку четыре двора»).

После кумления шли к Дону, петь могли в это время любые песни, например, хороводную «Пошли девки в лес по ягоды гулять», и у Дона обязательно — протяжную песню «Батюшка наш Дон». Венки бросали в воду — *пускали* по реке. Считалось плохой приметой, если веночек потонул или его прибило к берегу, поэтому иногда с венками заплывали на стремнину и *пускали* по воде уже там.

В соседних селах собраны дополнительные сведения об обряде. Например, в с. Осетровка кумились не через веночек, а через рушник, концы которого связывали. Здесь же было принято наряжать девушку-сироту рушниками, ей надевали на голову решето, веночек, под руки вели к Дону купаться с песней «Троица ты, Троица широкая, мурава, мурава ты зеленая», затем также с песней шли назад в лес. Похожие сведения были зафиксированы в других селах Верхнемамонского района — Ольховатке и Гороховке.

Обязательным элементом обряда была совместная трапеза покумившихся девушек, на которой главной обрядовой едой была яичница. Яйца и сковородку приносили из дома, а яичницу жарили на костре. Но нередко обрядовую трапезу делали в каком-нибудь доме, яичницу готовила и выносила мать.

Демонстрация обряда кумления в с. Верхний Мамон. 1995 год

Покумившиеся девушки сохраняли дружбу на всю жизнь. Считалось большим грехом обидеть куму, отказать ей в просьбе.

Последний раз обряд *кумления* осознанно (именно как обряд) совершали еще до Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. В послевоенное время песня исполнялась как неприуроченная, и особенно актуальны были заключительные слова текста: «У всех мужья с войны пришли, а мой — не пришел».

Также на Троицу водили танки, обычно все село выходило на гуляние. «*Хадилки к Дону, пляли вянки, брасали в воду... украшали березу... гуляли и ребята, и девчата, наряжались... ламился луг ат людей...*»¹⁸

В отличие от северных районов Воронежской области в мамонской традиции не зафиксированы обычаи, связанные с проводами русалки на петровские заговинны (в следующее после Троицы воскресенье). В публикации экспедиционных материалов ВГУ есть упоминание, что в х. Донской на русальной неделе наряжали девушку с длинными волосами и водили ее по деревне¹⁹. Возможно, здесь когда-то и существовал обряд *проводов русалки*.

Народное празднование Ивана Купала и Петрова дня в мамонских селах не отмечены, зато у соседей в украинских районах — Богучарском, Россошанском, Калачеевском эти праздники отмечают обрядами, что является характерным отличием украинцев. Видимо, от них в селе Русская Журавка был заимствован обычай обливать друг друга водой. Старались правдой и неправдой выманить хозяев из дома и облить водой, но никто при этом не обижался²⁰.

К сожалению, летние и осенние народные праздники и обычаи уже не сохранились.

Таким образом, система календарных обрядов (точнее их фрагментов) сконцентрирована вокруг святочного, масленичного, пасхального и троицкого периодов как наиболее важных в жизни крестьян-земледельцев и представлена магическими действиями преимущественно продуцирующего характера. Там, где необходимость в воздействии на природу исчезает, уходит из жизни и сами обряды.

Достаточно много удалось собрать сведений о традиционном свадебном обряде. В 1999 году был опубликован сборник «Свадебные песни Верхнемамонского района» с публикацией 56 свадебных песен с нотами в расшифровке Г.Я. Сысоевой и описанием самого обряда²¹.

Традиционная мамонская свадьба относится к южнорусскому типу («свадьба-баселье» в отличие от северорусского типа «свадьба-похороны») и сохраняет все основные моменты свадебной игры, отличаясь лишь некоторыми локальными проявлениями. Весь восстановленный сценарий характеризует состояние свадебного обряда примерно на 30-е годы XX века. Именно в то голодное неустроенное время, к тому же отягощенное социальными переменами на селе — сплошной коллективизацией, но по возможности следуя традиции, наши информаторы играли собственные свадьбы. Уже в тот период многие традиционные моменты свадебного действия подверглись трансформации, нововведениям, о чем рассказчики постоянно подчеркивали: «...а вот в старину, бывало...» или «еще моя бабушка говорила...»

По крестьянским представлениям, свадьба — важнейшее событие не только в жизни двух породнившихся семей, но и всей общины, поскольку без ее санкции брак считался как бы недействительным. Поэтому свадьбу вынуждены были справлять даже бедные семьи. Именно общинные представления и взгляды на брак формировали и удерживали в строгом соответствии традиции многодневный многоэтапный свадебный спектакль, в котором каждый участник хорошо знал и исполнял доставшуюся ему роль.

Основная функция не только русского, но и любого традиционного свадебного обряда — утверждение обществом новых социальных ролей, которые принимают на себя вступающие в брак и признание ими определенных обязательств перед обществом и друг перед другом.

Свадьба относится к обрядам перехода, а обрядовые действия составляют три комплекса, соответствующие трем периодам или фазам. Первая — фаза приготовления и отделения жениха и невесты от группы холостой молодежи, затем невесты — от своего рода. Первый этап свадьбы включает в себя сватовство, пропой и девишник. Вторая фаза — пороговая или лиминальная, очень опасное и ответственное время для жениха и невесты, когда собственно совершается их переход в другую жизнь через временную смерть в качестве юноши и девушки. Этот период соответствует первому дню свадьбы. Третья фаза — присоединение жениха и невесты в качестве полноценных членов к общине, а невесты — присоединение к роду жениха, это новое рождение-воплощение молодых как взрослых и самостоятельных личностей. Заключительные обряды, утверждающие новую семью в глазах общины, более растянуты во времени и кое-где длятся до года, хотя интенсивность их падает к концу срока.

Предпочтительным возрастом для вступления в брак считали 17–19 лет для девушки и не моложе 20 — для парня. При этом младшую дочь нельзя было выдавать раньше старшей, а также женить младшего сына перед старшим. Невесту выбирали родители жениха, нередко без его ведома и согласия, поскольку главную роль при этом играли хозяйственно-экономические соображения. Личный выбор молодых только в XX веке стал непременным условием брака. Искали спутника в жизни только в своем селе, особенно осуждались браки межэтнические, например, между *москалями* и *хохлами* (такими прозвищами называют здесь друг друга русское и украинское население).

Родители жениха старались сначала тайком посмотреть на невесту. «*Вот там-та девка хорошая... придуть сматреть невестку в саседним доме испадтишка, штоба ни узнали радитяли нявесты... у ней коса — во... А ноги — уж кизяк стопчит, дак ни развалица...*»²²

Как и повсюду, официальному сватовству предшествовало предварительное сватовство, в семью невесты посылали кого-либо из близких предупредить, что собираются к ним свататься. Только после этого засылают сватов. Обычно ходили свататься 3–4 человека, в основном мужчины — ближайшие родственники:

отец жениха, крестный, старший женатый брат или дядя, реже — мать, тетка. Бывали случаи, когда для этих целей специально приглашали человека со стороны. «У мене дядя радной был специалист высватывать, и вот к нямю абазатильна абраццались...»²³

Войдя в дом, сваты не переходили матицу, подчеркивая тем самым статус «чужих» людей, что свидетельствовало о цели их прихода. Разговор заводили в индказательной форме:

— *Здравствуйте.*

— *Здрате, добрые люди.*

— *Да вот шли, шли да заблудились мы. Мы ищем телачку прадажную. У вас е нету?*

— *Ой, да есть, но ана малоденькая, очень малоденькая.*

— *Ничего, мы ее подкормим, она падрстет... Что же, есть телочка на прадажу?*

— *Да как сказать... Да мы и не думали ее прадавать.*

— *Ну, не думали — подумайте.*

— *Нет, мы сегодня ничего не скажем, а вот придете вы завтра, тада и даговоримси*²⁴.

Сваты начинали уговаривать и хвастаться — первым делом выкладывали на стол шапку жениха, которую могли и одолжить у соседей для этих целей. Выхвалялись хозяйством: «Гаварят, у нас дьве лошади... Ну а маладыи-та жирибятя падрасли — эта уже чатыри»²⁵. Обе стороны боялись обмана: во время венчания могли переменить невесту на засидевшуюся в девках старшую дочь, или жених мог быть совсем не таким, как его описывали на сватовстве. «А винец адели на голуву — и нукуда ни денишися...»

Родители невесты, соблюдая обычай и достоинство, как правило, согласие давали не сразу, даже если семья жениха была хорошо знакома, а брак был очень выгодным, и назначали день, когда можно прийти за ответом. Но зато отказ был незамедлительным и твердым. Боясь оскорбить отказом, говорили, что невеста годами не вышла, что не готово приданое, что отдадут только после старшей и т.п. На заключительное сватовство или как его еще называют — *даговор* (Верхний Мамон), *сговор* (Нижний Мамон), сваты приходили со своей выпивкой и закуской — все заворачивали в вышитую скатерть. «Пришли пагаварить, винца папить, да с вами парадница... Пасидим, пабалакаим, за стол сядем. Приносим харчи...»²⁶ Получив согласие родителей невесты, все молились Богу, затем отец жениха доставал принесенный с собой хлеб и всем давал по кусочку с солью. Тут же звали невесту «на погляд», она кланялась и должна была дать согласие на брак. Выпивали по рюмке — не больше. Если со свадьбой торопились, то тут же и договаривались о сроках *пропя* и свадьбы. И хотя песни на сватовстве не пели, в этом случае могли заиграть те, которые обычно исполнялись на *сводах* и *пропое*:

Беленький мой ляночик, ды навеи витярочик,

Ой, ляли, ой, ляли, павей ветярочик.

Маладая Мариюшка па садочкю гуляла,

Ой, ляли, ой, ляли, па садочкю гуляла...»²⁷

Играли также и обычные застольные: «Сабрали ложки-тарелки, дайтя па чарки гарелки, слаткава меду па стакану...» (с. Нижний Мамон).

Если свадьба устраивалась по полному чину, то *даговор* назначали на отдельный день — примерно через неделю после заключительного сватовства. На этом сходе ближайших родственников с обеих сторон решались организационно-хозяйственные вопросы: оговаривали количество приданого, назначали день *пропя* и свадьбы, договаривались о том, сколько дней будет продолжаться свадьба, коли-

чество гостей и прочее. Как правило, в крестьянских семьях за дочерью не давали приданое — землю, скот, деньги. И только если девушка слыла некрасивой, глупой, бесчестной или была единственной дочерью в зажиточной семье, жених мог рассчитывать на богатство своей невесты.

Приданое определялось не недостатком, а традицией: невеста должна была иметь сундук с постелью, одежду праздничную и для повседневного ношения, утирки и праздничные рушники для убранства дома, подарки для своих будущих родственников. Но главное — невеста собственноручно готовила свадебную одежду для жениха — рубаху, порты, пояс, носки, кисет. Каждая мать учила дочерей с детства ткать, шить, вышивать — готовить самим себе *приданое*. Девушке *на выданье* родители справляли шубу и сапоги. Если этих вещей еще не приобрели, старались взвалить такие большие расходы на семью будущего мужа. «*Ани говорят: да ана у нас ишшо маладая, у нас шуба пиряштитая, то исть ис старья... у нас сапаги — вытюшки есть, а крюкавых нет... крюкавыи — ни атрязныи, цельныи. А жаниховы радитяли: эта нам труднавата будя — и шубу, и сапаги... Невестины: ну, глядитя, мы приданая даем на три года...*»²⁸

Вот перечень того, что должна была иметь невеста в своем сундуке. Шуба *дубленая* или шуба *с костыльниками* (вставками на боках), шуба *перешитая* (крытая сукном); *поддевка* суконная, *поддевочка*, *корсет* из домашней тканой шерсти, *корсетик*; юбки — *штохвенная* (из штофа — плотного шелка), *поплиновая*, шерстяная со *звездочками* (с вышитыми узорными фигурами), шерстяная однотонная; рубахи — вышитая, *кумашная* (из красного сатина), кисейная, холстинная; *куфайки* или *фуфайки* (жилеты) — атласная, плисовая, суконная, *манчестеровая* (из тонкого сукна); платки — *гарнитуровый*, *хранцузский*, ситцевые; шали; обувь — валенки новые белые и черные, *подшитые* (для работы во дворе), сапоги — *вытяжки*, *крюковые* (то есть цельные со сборками), *черевики*, вязаные носки. Кроме того — постель: *дерюжки* (вместо одеяла) — валяные и тканые, простыни 3–4, подушки, холсты (количество доходило до 100), утирки, *смотровые* (вышитые) рушники, *настоильники* (скатерти).

Просватанная девушка больше не влетала ленту в косу, а покрывала голову платком. Она освобождалась от всех домашних дел, шила, вышивала, раздавала работу подругам домой, чтобы успеть приготовить к свадьбе все необходимое.

Следующий обязательный момент предсвадебного действия — это осмотр родителями невесты подворья жениха, которое здесь называют *смотреть кочергу*. В буквальном смысле, войдя в дом, гости в первую очередь брали в руки *кочергу* (рогач) и заглядывали в печь, даже если она не топилась. Это знак особого доверия гостям, раз они допускались к святой святым — семейному очагу, почитаемому с языческих времен как своеобразный домашний алтарь. Родственникам невесты показывали хозяйство и дом, где предстояло жить молодым. Особое внимание обращали на развешенные в доме старшей снохой праздничные или *смотровые* рушники — ведь молодая невестка должна была накануне свадьбы завесить их своими! Затем хозяева обязательно приглашали всех к столу. Но и после этого свадьба могла расстроиться, хотя старались не допускать такого поворота — позора перед всей общиной. Лишь только после *пропой* решение о свадьбе уже не имело обратной силы.

Пропой устраивали в доме невесты, куда на большое и шумное застолье съезжались для более близкого знакомства родственники с обеих сторон — человек 20–30. Это обязательный эпизод свадебного обряда, сохранившийся и до наших дней. Но в отличие от современных обычаев в старину не приглашались на *пропой* ни жених с невестой, ни их подруги и друзья.

В начале XX века, когда патриархальные устои стали разрушаться, повсеместно на юге России распространился обычай досвадебного официального знаком-

ства жениха и невесты — так называемые *своды* или *сводоушки*. В мамонской свадьбе *своды* чаще всего соединялись с *пропоем*, реже — с *договором*. На свадьбах вступающие в брак получали коллективное благословение. Молодых вызывали к гостям, ставили рядом, поочередно спрашивали согласия на брак, благословляли, подносили им квас, но за стол не усаживали, поскольку их еще не считали полноценными членами общины и относились так же, как к детям. Стол накрывали сообща — женихова родня приносила и холодец, и кур, и пирожки. Уже на свадьбах невеста и жених должны были назвать в присутствии всех гостей своих новых родителей *матушка*, *батушка*.

С пропоя начинали звучать свадебные песни — в первую очередь те, которые рассказывали о символическом знакомстве жениха и невесты как события, предопределенном самой судьбой. Символом жизни-судьбы в фольклорной картине мира песенных текстов выступает сад: *Уж вы, садья, маи садья-винаградья*» (с. Осетровка); *«Уж вы, садики, садики, вы, садья маи зиленаи, вы, калодязи глубокаи»* (с. Дерезовка).

Как и повсюду на юге России, в текстах свадебных песен жених и невеста впервые встречаются у колодца, который является поэтическим символом-предвестником замужества. Не случайно во время святочных гаданий девушки под подушкой выкладывали из спичек колодец и гадали, чтоб во сне увидеть своего суженого — того, кто придет за водой. *Пропойными песнями* как бы припевали молодых друг к другу:

Ой, Марьюшка воду нося — карамыселица гнуцца,
Э-ой лели, лели, карамыселица гнуцца.
Иванушка в акно смотря — у яво слезы льюцца.
Э-ой лели, лели, у яво слезы льюцца.

(с. В. Мамон)

На *пропое* назначали день свадьбы. Обычно играли свадьбы осенью, после завершения полевых работ, начиная с Покрова дня и до начала Филиппова (Рождественского) поста, или зимой от Крещения до Масленичной недели — то есть в осенний или зимний мясоед. Иногда — на Красную горку, и никогда — в пост, на Масленицу и летом.

Нельзя было назначать свадьбу на субботу: *«Васкрисення с панидельничкам, вторник — с сирядою, читверх — с пятницой, а субботушка — сиротушка, вдовушка-день, на ние ни женяцца, толька сны сбываюцца...»*²⁹

Накануне свадебного дня обязательно устраивали в доме невесты *девишник*, а в доме жениха — *вечерину*. По сути *девишник* и все утро свадебного дня до отъезда невесты с родного подворья — это ритуал похорон девичества. Обрядовая сущность прощания обнаруживается более всего в специальных так называемых прощальных песнях подруг невесты, в плачах и причитаниях самой невесты и ее матери. Веселые песни считались абсолютно неуместными, даже если невеста выходила замуж по любви в желанную семью. Невеста прощалась не только со своей девичьей волей, подругами, но и родным домом. Чем большее свое горе она высказывала, тем большее почтение к родительскому дому это символизировало. Подружкам положено было приходить на *девишник* со своими блинцами — традиционной поминальной едой, поскольку невеста хоронила девичество, расставалась со своей волей навсегда. *«Пад свадьбу у невести — девки, падруги, какія раньша памагали вышивать... делали дявишник и принасили сваи блинцы»*³⁰.

Старшая дружка (любимая подружка невесты) собирала всех подруг и приводила в дом невесты. Обязательно приглашали незамужних девушек — близких родственниц жениха. Девушки обязательно подвязывали вместо *завесок* (фартуков) вышитые ружники как знак далекой долгой дороги, разлучающей их со сво-

ей подругой и шли с обрядовой песней посередине улицы рука об руку, подчеркивая ритуальный характер шествия:

Вы куры, куры, ранни кочеты,
У ладо ладо, у ладонь мое...

(села В. Мамон, Н. Мамон, Осетровка)

До сих пор местные жители помнят, что припев «*ладо, ладо*» поется только невинным девушкам. Потерявшим целомудрие свадьбу играли по неполному чину, нельзя было исполнять некоторые песни, в том числе и эту. Пение сопровождалось редкими ударами по лезвию зажатой в руках косы деревянной палочкой, и этот звон символизировал набат, собирающий всех в минуты приближающейся беды. Это называлось — *ходить с косой* (села В. Мамон, Н. Мамон).

У невесты девушки забирали узел с венчальной одеждой жениха и отправлялись к нему в дом *продавать рубаху*. У порога они вызывали его величальной песней:

Иванушка — гаспадин, гаспадин,
Ой, ляли, алилей, гаспадин.
На крылечка выхадил, выхадил,
Усех девак пахвалил, пахвалил...

(села В. Мамон, Н. Мамон, Осетровка)

Выходили родители с хлебом-солью, а также жених, но торги вести не имел права — все переговоры и действия на свадьбе от имени жениха вел *дружка*, а от имени невесты — ее подруги и крестная мать. Бессловесность главных персонажей объясняется их неопределенным статусом: они находятся как бы между мирами — умирают в своей прежней жизни и ожидают нового рождения в другом качестве.

Выкуп за рубаху девки оставляли себе. Хозяева с песней «*Ой, что у нас во садике шумела*» обязательно их приглашали в дом, угощали, после чего они вновь отправлялись — иногда с парнями — к невесте, где, сидя за столом, играли прощальные песни:

Сборы, сборы Натальины,
Да собрала падружак к батюшки в дом,
Да пасажала всех их за стол,
Да сама села выша усех,
Кланила галовушку выша усех,
Думала думушку больша усех,
Да как мне, маладой, к венчанью итить,
Да залатой винец палучить...

(села В. Мамон, Н. Мамон)

Невеста, одетая очень просто, иногда — *в горячем* (то есть в простом, невышитом, белом), обязана была *голосить* (причитать на специальный напев), но если не умела, то плакальщицу не приглашали, как в некоторых других местностях.

На ночь укладывались все здесь же, на полу, но невеста спала отдельно. По местному мамонскому обычаю, полагалось подругам невесты и золовкам драться в темноте, причем обязательно делали фаллический символ жениха (*напишают картошки в чулок*), на что информаторы особо обращают внимание: «*Затем стелят постель, все лажацца... Заловки и падрушки невесты дярутся... Дярутся шутя, хатя и астаюцца синяки... Нивеста спит атдельна... Жаних — астаецца и не астаецца: девки паложат картошку в чулок и начинают бить, в каго пападут*³¹. Считалось, что так девки быстрее выйдут замуж. С другой стороны — это, вероятно, символизировало борьбу за волю: невестину отстаивали подружки

(*штов ни абижали нашу падрушку*), а будущего мужа — золовки (*мы ей пакажим, научим*).

Утром свадебного дня подружки будили невесту песнями:

Да зиму-лета сасенушка да зилена,
Ой, зилена, ой, зилена.
Да у субботу да русу косу гладила,
Ой, гладила, да гладила.
А в воскреснай день к венчанью шла — плакала,
Ой, плакала, да плакала...

(села В. Мамон, Н. Мамон, Осетровка)

Невесту одевали в темную вышитую юбку, белую кисейную рубаху, завеску, гарнитуровый платок. Любимые подружки маслили и чесали волосы. При расчесывании косы невесте подружки обязательно заводили «Реку»: девушке с живыми родителями играли «Реку медовую», а для сироты существовал другой вариант, отличающийся напевом и текстом. Причитание невесты-сироты при этом отличается очень устойчивыми текстовыми формулами, что не характерно для юга России, поскольку плакальщицы слагают текст почти всегда спонтанно.

Прощаясь с родителями, невеста, поддерживаемая подругами, падала перед ними на колени на расстеленную мехом вверх шубу, и причитала:

Бласлави мене, родная матушка,
Бласлави ты, родный батюшка,
На Божий сут пайти,
Божий винец принять...

(с. Дерезовка)

Ой да благаслави меня, мой батюшка,
Ой да благослави маю жисть,
Ой да вы праститя меня за все маи грехи,
Можит быть, я вас кагда-нибудь абидила,
Можит, кагда я вам груба сказала...

(с. В. Мамон)

Затем невеста целовала икону, которой мать трижды крестила дочь, и хлеб у отца на руках. Родители тоже целовали, желали дочери счастья и заключали: «*Бог блаславляя, и мы блаславляим*». Если матери не было, за нее стояла крестная. На невесту набрасывали венчальное покрывало-*дымку* и сажали за стол. Начался заключительный этап прощания — *сидение за столом*, в других селах Воронежской области чаще называемое — *посад*. Символика этого ритуального сидения традиционно связывается с самым трагическим моментом свадьбы — как бы временной смертью девушки-невесты. Эпизод внешне совершенно статичен — ничего как будто бы не происходит. Драматургия действия переносится в сферу музыки и поэзии: напевы-формулы, символизирующие невесту и ее окружение, сменяются напевами общины жениха. Кажется, что подружки «учат» невесту другому языку — языку рода жениха. Ярким примером песен с различной семантикой музыкального кода могут служить песни «*Ой, да перепелка наша, перепелушка*» (музыкальный знак невесты и ее подруг) и «*Былка — чернобылка*» (напев общины жениха).

Ожидая женихов поезд, играли песни «*Да брошу ключи поперек стола*», «*Из ворот-ворот желтый цвет, что ж, табе, Иванушка, долга нет*», «*Вьюн на воде увивается*».

Наконец, приезжает от жениха свадебный поезд. Все информаторы сообщали, что по старинным традициям, которых они уже не застали, жених и невеста приезжали венчаться в церковь порознь и до венца не встречались. В начале XX века

жених уже сам приезжал за невестой. «*Да наехали полон двор бояр*» — с этой песней встречают *поезжан*. Начинается торг за место рядом с невестой, которое должен занять жених. «*Нявесту сажают за стол, падруг... и брат сел... каталку давають... ну, каталки — раньша лапу раскатывали — каталки называюцца... лентай первязали и Павлику дали. Заходють — жаних прияжжая за нявестой... А вон прям бяре яво за руку... Я сястру ня аддам за так. Выкупитя у мене ес. А ани шутють: ты поляня, какая абарона? А жаниха ж нада сажать избоку...Ну, начали таргавацца: да вот чатыр я угла — чатыр я рубля, а пятая матица — назад ни пятицца... штоб пятерка была. Эт тады дела бальшоя была...*»³².

Выходили из дома под песню «*Солнышко за лес закатилося*». Перед тем как невесте сесть в тарантас, она крестилась на восток и кланялась на все четыре стороны. А теща должна была перед отъездом подарить зятю платочек. Значимость этого момента подчеркивалась и песней «*Теща зятя доря*». Такой обычай встречается только здесь, в Верхнемамонском районе. Вероятно, значение этого подарка символизировало передачу ответственности за судьбу девушки-невесты от родителей к будущему мужу: все слезы дочери отныне на его совести. «*Паперет ана яму перехрестя хрест-нахрест и платочкям утре... пацалуя, яму губы утре и аддаст яму платочак — зятю... А патом тада «пяряпелку» играють*»³³. Возможно, что платочек — это поминальный дар, ведь на юге области на поминках об умершем всем родственникам и друзьям раздают платочки: женщинам ситцевые головные, мужчинам — носовые. Таким образом, теща как бы наказывает зятю: навсегда запомни, мол, какой была моя дочь до свадьбы.

По народным представлениям, невеста должна была трижды утвердиться в качестве жены: перед Богом во время венчания, перед людьми во время повивания и перед мужем во время первой брачной ночи. Уже в 1930-е годы государство активно влияло на традиционный ход свадьбы, осуждая и запрещая церковное венчание и предлагая взамен простую регистрацию в сельсовете. Но среди сельчан брак без венчания считался неполноценным, старались обвенчаться тайно или в другом селе. После венчания жених и невеста садились в один тарантас и со всеми поезжанами ехали кататься. «*Ани сидят на падводе, перед ними крестная мать и отец... и его, и ее. Маладых впиред ни пускали... В первой падводе кто-та другой, но ни маладыи, чтобы ни скалдали...*»³⁴ Катание по селу — не просто развлечение, оно имело ритуальный характер, поскольку являлось своеобразной демонстрацией сельской общине новой рождающейся семьи. Катались тоже с песнями:

Тепла вода у калодезю стаяла,
Ой, ляли, алилей-ляли, стояла...

(села В. Мамон, Н. Мамон)

Наиболее важный момент свадебного действия — обряд повивания (одевания женского головного убора) — совершали в доме невесты, куда приезжали сразу после венчания и катания по селу. Посмотреть, как невесту переделывают в *молодуху* приходили все, кто может, не только участники свадьбы — *поезжане*, но и соседи — *прихождяне*. Местное название обряда — *молодых оправляют*. Повивали *свашки* — крестные матери с обеих сторон. Сначала их песней выпроваживали из красного угла (под иконами): «*Сашунька-гаголушка, двиньси в кут на лавочки*». Молодых сажали за стол у *вышки* (под иконы), натягивали перед ними полотенце или покрывало *от сглаза* и просили благословения *повить молодых* — у родителей, *дружки* и *поддружки*, всех *честных поезжан*, на что полагалось отвечать: «Бог благословляет, и мы благословляем».

Повсеместно в Воронежской, Белгородской области во время повивания исполнялась песня «*Затрубили трубушки рано по заре, заплакала Марьюшка по сво-*

ей косе». В мамонской традиции эта песня сохранилась плохо, удалось записать лишь отдельные текстовые фрагменты от 85–90-летних информаторов. Обычно здесь на повивании играли ту же песню, что и при расчесывании косы у невесты перед отъездом к венцу:

Да хадила козушка па расе,
О, ладо, ладо, по расе.
Да плакала Марьюшка па касе,
О, ладо, ладо, па касе...

(села В. Мамон, Н. Мамон, Осетровка, Дерезовка)

Невесте, которая до свадьбы носила одну косу, расчесывали волосы и заплетали две косы — символ того, что теперь над ней две воли — своя и мужа. Отныне она не имела права показывать волосы никому, кроме своего супруга. Оказаться простоволосой, непокрытой перед людьми или даже перед членами семьи, например, свекром, считалось величайшим стыдом и позором. В праздники замужняя женщина надевала *кокошник с позатыльником*, в будни покрывала голову платком. «*Невеста не даецца, особенно када на нее адивають какошник. Спецыяльна поддевала пальцем, чтоб слетал какошник*»³⁵.

Невеста уже не причитала, а только плакала — *ухала*. «*Эта нявесту аправляють, ана кричить — ухая... Да ише вазьме — какошник скиня*...»³⁶

Жениху также расчесывали волосы и смазывали их маслом. Молодых не открывали для всеобщего показа, пока *свашек* не одарят деньгами или вином, после чего новобрачных посыпали на счастье сухими шишечками хмеля, пшеном, зерном, деньгами и играли особые припевки:

Да не так снарядили,
Да не так снарядили, как девки хадили.
Мы так снарядили,
Мы так снарядили, как бабы хадили...

(села В. Мамон, Н. Мамон, Осетровка, Дерезовка, Русская Журавка)

На свадебный *венчальный* пир все отправлялись в дом жениха. Молодых увозили с песней «*Катилася колясочка с заморья*».

У ворот женихова двора неприглашенные на свадьбу соседи-прихожане натягивали на пути молодых веревку и требовали выкуп за дорогу вином или деньгами. Песней вызывали на крыльцо родителей жениха:

Ой, матка-саколка,
Ой, матка-саколка, глянь-ка у вакошка.
Твой сын-сокал едя,
Твой сын-сокал едя, вязе саколушку...

(села В. Мамон, Н. Мамон, Осетровка, Дерезовка)

Первыми встречались крестные матери с обеих сторон, они обменивались караваем. Три раза поднимали каравай над головами, и чей каравай будет выше — тот и будет в доме главным. Перед молодыми разметали веником дорогу, на крыльце стелили новый холст, как знак чистой дороги, и вывороченную мехом вверх шубу, как знак богатства. Так же, как и в доме невесты, мать жениха стояла с иконой, отец — с хлебом-солью. Невеста кланялась в ноги, целовала икону, молодые должны были обязательно попробовать *хлеба с солицей*. Войдя в дом, украшенный вышитыми невестой рушниками и развешенными только что, молодых усаживали ненадолго в святой угол под иконы, разламывали у них над головой *каравай*, кусочек которого должен был каждый унести с собой. Обрядовые действия с хлебом, особенно в свадьбе всегда связывались с идеей благополучия, достатка, с идеей наделения долей. Молодых начинали величать:

У Николая за столом два дятлыца расцвяли,
Первый цвет — калиновый, другой цвет — малиновый,
Первый цвет-то — Марьюшка, другой цвет — Иванушка...

(села В. Мамон, Н. Мамон)

Молодым не полагалось сидеть вместе с гостями за столом — их кормили отдельно, в другой комнате. Их уводили сразу, как только *обыграют* песнями. Так же не полагалось и девушкам сидеть со всеми за столом — их кормили еще до приезда молодых. Они стояли вдоль стен, смотрели, пели песни — зарабатывали копейки.

Если гостей было много, то сначала кормили невестиных родных, потом сажали жениховых. К столу подавали сначала квас, затем дружка разрезал пирог с капустой и картошкой и раздавал каждому по куску. Он же делил и жаркое — целого поросенка, целого гуся или утку. Готовили *узвар* — компот из вареных сушеных фруктов.

Каждого гостя положено было обыграть. После величания молодых первого обыгрывали дружку: «*Ох, не бушуй, ой, не бушуй ты, буен ветер*». Затем всех гостей попарно такими песнями как «*У нас по погребу боченочек катается*», «*Ходит голубь по столу*», «*Виноград по горам растет*» (В. Мамон). Неженатому брату играли «*Березничек листоватый*» (Н. Мамон), вдовцу — «*Ой, что ж ты, гусак, на море один*» (Дерезовка) и другие. Песенницы выпрашивали вознаграждение, для чего каждому подносили квас и пели припевки:

Валентина Ивановна, абернись к нам лицом,
Вот тебе чарочка с винцом...
Падари, Валентинушка, падари, Иванавна,
Ни рублем — палтиною, залатою гривною...

(села В. Мамон, Н. Мамон)

На *дары* молодые вновь выходили к гостям. Сначала всем присутствующим показывали содержимое сундука с приданым. Затем невеста дарила свекрови и свекру по вышитой рубахе, остальным родственникам жениха подарки попроще — холсты, утки, платки. Невеста обносила всех гостей квасом. Молодых заставляли целоваться: говорили, видели, мол, как голуби целуются, а вы нам не покажете? Если гостю показалось, будто в стакане с вином плавают волокно, это также означало, что молодые должны поцеловаться. Спрашивали жениха: «*А ты не знаешь, Ванюшка, как косарь косит?* — Он ие обымаит. А как вязалка вяжит, Марьюшка? — Ана его абымаит»³⁷.

Знаком к окончанию застолья служила *каша*: ее подавали последней, потому она называлась *разгонщица*.

Постель молодым устраивали сват и сваха в *пуньке* (неотапливаемой пристройке к сараю или хлеву). Видимо, в этом проявляется не только желание оставить молодых наедине, но и магическая вера в то, что плодовитость и выносливость домашнего скота передастся и молодым. «*Пастель абкатывали... ат ние свашка, ат ниво — сват... ложились, а вы смотрите, как нада*»³⁸. Провожал молодых к постели дружка со словами: «*На первую ночьку — сына или дочку*». Невеста должна была обязательно сама снять с мужа обувь в знак покорности — этому накануне учили ее пожилые женщины.

Утром молодых будили сваты песней:

На море калинушка стояла,
А Марьюшка по бережку гуляла,
Ой, лели-лели, калинушку ламала...

(с. В. Мамон)

В старину освидетельствование молодой было обязательным. «Вот калинушку ламали — эта инасказательна... что ани там ламали и пачаму калинушка красная. Вынасили рубашку ее. Мы этава ни захватили... Уж за сталом сидели, утрам, гульба прадалжалась — кресная вынасила рубаху, и если там ни одинава пятна, то пазор этой невесте на всю жизнь. Но муж ее ни брасит...»³⁹ Тут же били горшки в знак утраченной невестой невинности. Обычай освидетельствования молодой вообще у русских встречается довольно редко, в основном под влиянием традиционной украинской свадьбы. В мамонскую традицию он попал, видимо, из соседнего Богучарского района, где живут украинские переведенцы-хлебопашцы. Калина как символ девичьей чести встречается и в песнях, и в действиях. Например, во многих селах со смешанным русско-украинским населением калиной украшали свадебный стол, каравай, на второй день ягоды калины обрывали и бросали в бутылку с водкой.

Обязательным было и испытание молодой. Она убирала черепки от горшков, подметала избу, ее несколько раз посылали за водой, причем воду она должна была принести из разных колодцев. Испытывали на честность — разбрасывали деньги по полу и ждали, вернет ли их молодая *сноха* или оставит себе.

На второй день *молодайка* убиралась в праздничный *снаряд*: вышитую рубаху, *штоховую* юбку, плюсовую *куфайку*, *кокошник*. Родные невесты и гости шли по улице *с беседой* в дом жениха *искать пропашку*. Все участники рядились в цыган, солдат, докторов, вывороченные шубы, мазали лицо сажеей, мукой. Шли с песнями, гармонью, пели непристойные частушки.

Сколько бы ни длилась свадьба, заключительный обед всегда был в доме, где живут молодые. «*Извеку последний абад был у жаниха, а шшас набарот*»⁴⁰.

Всю неделю после свадьбы, как и повсюду в южнорусских селах, участники свадьбы могли гулять попеременно в нескольких домах: ближайшие родственники *брали в гости*.

Анализируя полевые записи, следует обратить внимание на вариативность свадебных обрядовых действий. Речь идет о нестрогой регламентированности свадебных картин в общем сценарии свадьбы, а не о присущей любому фольклорному явлению импровизационности как способу воплощения типического. Так, например, не имеют четко закрепленного места в свадебной игре *своды*, не разделяются этапы *сватовства*, исчезает *договор*. Вероятно, ход традиционной свадьбы всегда корректировался в зависимости от жизненной ситуации и конкретных обстоятельств, складывающихся в желающих породниться семьях.

Некоторые информаторы путаются, противоречат сами себе, не считают существенным перестановку в последовательности действий, спорят друг с другом о приоритетности свадебных песен к определенным моментам. Это объясняется неизбежными различиями в исполнительских версиях свадебного спектакля для каждой «улицы», отчасти забывчивостью носителей традиции, но прежде всего — разрушенностью самого обряда, тенденцией к его упрощению и сокращению. За всем этим стоит стремительное ослабление магической функции обрядовых действий, а в целом — усиление игрового начала, преобладание эстетических критериев в выборе ритуально-игровых моментов действия в качестве стабильных элементов обряда.

Среди городской молодежи в крупных областных городах в настоящее время широко исповедуется необязательность свадьбы и даже брака. В сельской местности это невозможно. Свобода брачных отношений молодых, разумеется, внесла коррективы в ход свадьбы. Но до сих пор обязательными эпизодами свадебной игры в селах Верхнемамонского района остаются сватовство, пропой, девешник, прощание невесты с родительским домом, катание молодых, свадебный пир у жениха, гуляние ряженных на второй день свадьбы, ответное свадебное застолье у

невесты на второй или третий день. Правда, необходимость и целесообразность некоторых свадебных обычаев сегодня воспринимаются по-другому: как дань традиции, как яркое, запоминающееся для всех зрелище. Торжественная регистрация молодых пар проводится в районном Дворце культуры, местный фольклорный ансамбль во время церемонии исполняет местные свадебные песни.

И все же магия свадебного действия сохранилась и в современной свадьбе — в представлениях сельчан: чем многолюднее свадьба, чем больше в ней традиционных моментов, тем сильнее будет ответственность новобрачных за крепость рождающегося семейного союза.

Песенный фольклор к настоящему времени стремительно исчезает вместе с носителями традиции, родившимися до 40-х годов XX века. Экспедициями Воронежского государственного института искусств в 1986–2003 годах было записано 334 традиционные песни в восьми селах: Верхнем Мамоне, Гороховке, Дерезовке, Лозовом, Нижнем Мамоне, Ольховатке, Осетровке, Русской Журавке.

В 1985 году фольклорная комиссия при Союзе композиторов РСФСР выпустила небольшим тиражом нотный сборник «50 русских народных песен сел Верхний Мамон и Россось Воронежской области»⁴¹, куда вошли 33 нотные расшифровки Е. Кустовского песен села Верхний Мамон, записанных в 1970-х годах известным собирателем П. А. Макиенко вместе со своими учениками — учащимися Воронежского музыкального училища.

Сравнивая эту публикацию с более поздними записям, с сожалением отметим, что наибольшие потери «понесла» протяжная песня: в активном репертуаре бытовых ансамблей от былого богатства и разнообразия осталось чуть больше 10. Их место уверенно заняла поздняя лирика с ее мещанскими романсами и бытовыми балладами. Календарный фольклор, занимавший здесь всегда периферийное место в системе жанров, практически не сохранился. Плясовые песни как бы «выбрасывались из памяти» в силу особенностей пожилого возраста исполнителей как неподобающе несерьезные и уже информаторами неохотно вспоминающиеся. Зато свадебные песни у носителей фольклора вызывали ностальгическую тоску по красоте, мудрости, целесообразности свадебного обряда и сопровождающих его песнях. Их в Верхнем Мамоне удалось записать достаточно много — 44, а вместе с другими селами — 95.

Думаю, что в настоящее время традиционных песен уже в таком количестве не собрать.

Из того, что было записано, можно отметить настоящие шедевры южнорусского фольклора. Это, во-первых, протяжная песня «Батюшка наш Дон». Ее напев широко распространен в казачьей традиции, однако в селе Верхний Мамон она распета по-особенному протяжно, по-русски. Эту песню в настоящее время поют многие фольклорные ансамбли, она стала визитной карточкой песенного фольклора Воронежской области.

Батюшка наш Дон, Дон Иванович,
Дон Иванович, е-я,
Доночек наш Ива... наш Иванович.
Про тебя ли, батюшка наш Дон, и деть слава до-о-о-брая,
Слава добрая, е-я,
И деть ана, слава до... слава добрая.
На тваих ли крутых бирагах жувуть люди во-о-о-льные,
Люди вольные, е-я,
Живуть ани, люди во... люди вольные.

Особой яркой образностью отличается широко распространенная по всей России песня «Горы Воробьевские» о гибели молодца на чужбине. На одиноком кусте сидит орел и получает наказ от умирающего русского воина послать восточку на

родину. Каждый по-разному переживает известие о смерти: мать плачет, как река льется, сестра — как ручей течет, а жена — как утренняя роса блестит, выгланет солнце — высохнет.

Свой неповторимый мамонский распев имеют распространенные в Воронежской области песни «Ишла бабочка долиною», «Можно ль, можно ль в доме разгуляться», «Растет, цветет черемушка — тонка, высока».

Из песен свадебного репертуара самой популярной и хорошо сохранившейся во всех селах Верхнемамонского района является величальная молодым — «Нагнулася к нам яблонька на двор». Многие свадебные напевы неотделимы от обряда, поскольку выполняют ритуальную функцию. По структуре и содержанию эти песни являются типичными для южнорусской традиции и особенную близость обнаруживают с песнями воронежско-белгородского пограничья (междуречье правых притоков Дона — Тихой Сосны и Потудани).

Хороводные и плясовые песни, такие как «У нас по Дону, по Доночку», «Доношкa-любушка» не имеют устойчивой хореографии, пляска под эти песни — спонтанная. Слова «пересек», обозначающего пляску в западных районах Воронежской области, местные жители даже не слышали. Исключение составляет орнаментальный хоровод «Ты заря моя, зорюшка», который в наши дни уже не сохранился, но о нем есть рукописные воспоминания собирателя П.А. Макиенко, видевшего хоровод в 60-е годы XX века. Была в Верхнем Мамоне распостранена и хороводная игра с выбором пары — «Скоро еду во Китай-город гулять».

Казачье влияние на традицию проявляется в заимствовании некоторых песен, характерных именно для казачьей культуры: «Ты, казачек мой честной» (с. Верхний Мамон), «Груша ты, кудрявая» (с. Дерезовка), «Проснется день красы моей» (с. Дерезовка), «За Уралом, за рекой гулял казак молодой» (с. Нижний Мамон), «Вдоль по линии Кавказской» (с. Нижний Мамон).

Конечно, в каждом селе есть песни, заимствованные от украинских переселенцев, они очень любимы в народе за их мелодичность и простоту гармонического языка.

Сегодня многое из того (если не все) уже ушло из сельского быта. Однако возможности для возрождения и костюма, и песенной традиции, и красивейшего старинного свадебного обряда есть. Сохранились записи прекрасного ансамбля «Данкори» села Верхний Мамон, записи носителей традиционной культуры из многих сел. Осталось только дожидаться энтузиастов, которые захотят вернуть в быт былую славу и красоту традиционной народной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Воронежская энциклопедия / Гл. ред. М.Д. Карпачёв — Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2008. — В 2-х тт.

² Сообщила Линь А.Т., 1920 г.р., из с. Ольховатка. Архив КНМ ВГИИ, № 1257/1.

³ Сообщила Ильшакова М.С., 1919 г.р., из с. Осетровка. КНМ ВГИИ, № 662/2.

⁴ Экспедиционные материалы ВГИИ и ВГУ по календарным обрядам Верхнемамонского района частично опубликованы в книге: Календарные обряды и обрядовая поэзия Воронежской области /сост. Пухова Т.Ф., Христова Г.П. Воронеж: ВГУ, 2005.

⁵ Сообщила Кретова Н.М., 1929 г.р., из с. Нижний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 192/23.

⁶ Сообщила Волобуева А.В., 1923 г.р., из с. Лозовое. Архив КНМ ВГИИ, 3 1034/9.

⁷ Сообщила Курдюкова Р.С., 1932 г.р., из с. Нижний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 192/24.

⁸ Сообщила Неврева Е.А., 1917 г.р., из с. Осетровка. Архив КНМ ВГИИ, № 661/16.

⁹ Сообщила Филова М.С., 1930 г.р., из с. Гороховка. Архив КНМ ВГИИ, №857/19.

¹⁰ Сообщила Головина Е.В., 1909 г.р., из с. Гороховка. Архив КНМ ВГИИ, № 856/8.

¹¹ Сообщила Неврева Е.А., 1917 г.р., из с. Осетровка. Архив КНМ ВГИИ, № 661/14.

¹² Сообщила Неврева Е.А., 1917 г.р., из с. Осетровка. Архив КНМ ВГИИ, № 661/3.

- ¹³ Записана от ансамбля с. Верхний Мамон. Личный архив Г.Я. Сысоевой.
- ¹⁴ Сообщила Неврева Е.А., 1917 г.р., из с. Осетровка. Архив КНМ ВГИИ, № 661/4.
- ¹⁵ Сообщила Неврева Е.А., 1917 г.р., из с. Осетровка. Архив КНМ ВГИИ, № 661/18.
- ¹⁶ Сообщила Бочарникова М.Х., 1927 г.р., из с. Гороховка. Архив КНМ ВГИИ, № 861/25.
- ¹⁷ Записана от ансамбля с. Верхний Мамон в 1986 году. Личный архив Г.Я. Сысоевой.
- ¹⁸ Сообщила Бочарникова М.Х., 1927 г.р., из с. Гороховка. Архив КНМ ВГИИ, № 860/12.
- ¹⁹ Календарные обряды и обрядовая поэзия Воронежской области /сост. Пухова Т.Ф., Христова Г.П. Воронеж: ВГУ, 2005, с. 104.
- ²⁰ Там же, с. 116.
- ²¹ Свадебные песни Верхнемамонского района Воронежской области / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Т.Ф. Пухова, Г.Я. Сысоева. — Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 1999. — 125 с.: нот.
- ²² Сообщила Казакова П.И., 1917 г.р., из с. Верхний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 351/1.
- ²³ Сообщил Колесников П.П., 1902 г.р., из с. Нижний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 154/8.
- ²⁴ Сообщила Казакова П.И., 1917 г.р., из с. Верхний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 351/1.
- ²⁵ Сообщил Колесников П.П., 1902 г.р., из с. Нижний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 154/8.
- ²⁶ Сообщила Нестерова М.С. из с. Верхний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 139/8.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Сообщила Казакова П.И., 1917 г.р., из с. Верхний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 351/2.
- ²⁹ Сообщила Казакова П.И., 1917 г.р., из с. Верхний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 138/2.
- ³⁰ Сообщил Колесников П.П., 1902 г.р., из с. Нижний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 154/11.
- ³¹ Сообщила Казакова П.И., 1917 г.р., из с. Верхний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 138/4.
- ³² Сообщила Нестерова М.С. из с. Верхний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 139/13.
- ³³ Сообщила Капёнкина С.М., 1909 г.р., из с. В. Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 073/12.
- ³⁴ Сообщила Казакова П.И., 1917 г.р., из с. Верхний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 351/13.
- ³⁵ Сообщила Казакова П.И., 1917 г.р., из с. Верхний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 351/15.
- ³⁶ Сообщила Капёнкина С.М., 1909 г.р., из с. В. Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 195/29.
- ³⁷ Сообщила Казакова П.И., 1917 г.р., из с. Верхний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 351/24.
- ³⁸ Сообщила Казакова П.И., 1917 г.р., из с. Верхний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 351/28.
- ³⁹ Сообщила Казакова П.И., 1917 г.р., из с. Верхний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 351/30.
- ⁴⁰ Сообщила Нестерова М.С. из с. Верхний Мамон. Архив КНМ ВГИИ, № 139/16.
- ⁴¹ 50 русских народных песен сел Верхний Мамон и Россошь Воронежской области / ред. Е. Гиппиус и А. Медведев. — М. 1985.

